

ЮЛІЯ ТАРАСЮК

18+

ПОД МЯГКИМ СВЕТОМ ЛАМПЫ

ИЛЛЮСТРАТОР
СЕРЖ ТАРАСЮК

Юлия Тарасюк

Под мягким светом лампы

«Издательские решения»

Тарасюк Ю.

Под мягким светом лампы / Ю. Тарасюк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517056-9

Действия происходят в вымышленном старинном английском городке Оденбург. Ты узнаешь историю молодой женщины, которая, устав от суеты обыденной жизни, нашла свое призвание в служении людям. Девушка с твердым характером и несгибаемыми принципами проведет тебя по закоулкам своей души, где она проживает все свои потери и борется против устоев общества. Приятного чтения под мягким светом лампы...

ISBN 978-5-00-517056-9

© Тарасюк Ю.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
I. Корни	8
II. Квинтэссенция	10
III. Призраки прошлого	14
IV. Неожиданное предложение	18
V. Утро	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Под мягким светом лампы

Юлия Тарасюк

Дизайнер обложки Сергей Тарасюк

© Юлия Тарасюк, 2020

© Сергей Тарасюк, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-7056-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Издательство «Терен» • Луцк • 2020

Юлия Тарасюк

«Под мягким светом лампы»

Действия происходят в вымышленном старинном английском городке Оденбург. Ты узнаешь историю молодой женщины, которая устав от суеты обыденной жизни, нашла свое призвание в служении людям. Девушка с твердым характером и несгибаемыми принципами проведет тебя по закоулкам своей души, где она проживает все свои потери и борется против устоев общества.

Приятного чтения под мягким светом лампы...

Иллюстратор обложки

Сергей Тарасюк

Ни одну из частей этого произведения нельзя копировать и воспроизводить в любой форме без разрешения автора

© Юлия Тарасюк, 2020

Посвящается всем волонтерам и работникам социальных организаций, которые по велению своего сердца не имеют другого пути, как помогать людям, животным, хранить культурное и природное наследие.

Посвящается друзьям и всем людям, которые несмотря ни на что ищут ответы на вопросы о том, что есть смыслом жизни.

Светлой памяти моей бабушки Полины.

Вступление

За окном шел снег, и день постепенно угасал. На небе оставалась белёсая дымка влажного воздуха, будто все святые враз выдохнули, и на мир опустилось их благословение и ожидание праздника. Уже запахло Рождеством, а октябрь еще неохотно отступал, все оборачиваясь с тоской во взгляде на поблеклые задержавшиеся еще кое-где на деревьях зеленые листочки.

Она сидела в бабушкином кресле с высокой спинкой, которое было выше ее на голову. И если смотреть сзади, ее вовсе не было видно. Лампа, всегда горевшая мягким теплым светом – это единственное, что могло указать на ее присутствие в этом месте. Иначе, встав с кресла и выходя даже на минуту, она гасила лампу, оставляя за собой ночь и пустоту. Лишь входя в комнату, она приносила сюда жизнь своими пастельными звуками. Ее звали Агриппина, Агриппа, некоторые называли ее Полиной. Желая благословить внучку на счастливую жизнь, таким именем нарекла ее бабушка, у которой была подруга Агриппина, жившая очень счастливо.

На ее плечи накинута молочного цвета современной крупной вязки шаль, хранящая тепло все то время, пока Агриппа заваривала себе чай на кухне. Иногда казалось, что эта шаль – самое надежное и незыблемое, что есть в мире, то, что всегда рядом, и то, что можно унести в случае, когда нужно будет уйти навсегда. Это пристанище, где можно отогреть как тело, так и душу. А еще там можно было согреть не только себя, а еще одного взрослого человека или другое живое существо. Но в этом ей не было необходимости.

Ее комната была просторной высокой гостиной, где все располагало к приему гостей, но не на их долгий визит. Позади ее кресла с давним роскошеством возвышался дубовый резной посудный шкаф с большими стеклами в дверках, где хранились самые изысканные бабушкины и дедушкины сервизы, те, которые не только не стыдно поставить перед гостями, а это была величественная, почти царская посуда. Ее прародители были благородными людьми, хоть и простого незатейливого нрава. Они знали толк в вещах и не собирали все подряд, а хранили и использовали лишь то, что им казалось самым важным и необходимым.

Она жила на последнем этаже четырехэтажного англиканского здания прошлого века. Выше был только чердак. Агриппина сидела и смотрела через высокое окно на соседнее, тоже старинное, здание, красивое в своем величавом благородстве ушедших дней.

Величественно падал снег в мерцании уходящего воскресного дня. И ее задумчивый спокойный взгляд перемещался с одной снежинки на другую. Она чувствовала себе умиротворенно, будто сама была одной из этих пушистых частиц неба, бережно носимых ветром от небес до залитой желтой огнями земли, от одного волшебства к другому. Снег поменял направление и теперь падал ровными линиями на землю, и она вновь перевела взгляд на свою работу. Агриппина по привычке вязала. Сейчас в ее руках был наполовину связанный мужской свитер. Она вязала не ради денег, их запасы гарантировали ей безбедную жизнь до глубокой старости и мирного и красивого ее завершения. Поэтому вязание было не обязательным, и поэтому приятным занятием. Это был свитер для мужа близкой подруги. Ее друзья – молодая семейная пара, две пушистые снежинки, нашедшие друг друга в этом сумасшедшем вихре мира. Если бы можно было их связать, они были бы связаны из той же мягкой бежевой шерсти. Агриппина, а для этой семейной пары она была Полиной, никогда не спрашивала у них, какой цвет и фасон они хотели бы. Она сама видела своей внутренней мудрой бабушкой, как сделать одежду красивой, утонченной и с долей современности.

Агриппа никогда не завидовала их семейному счастью, ибо была настолько независима и умиротворена своим одиночеством, что вся ее жизнь была похожа на спокойный ручеек, впадавший в обширное кристальное прохладное озеро. Она была независима, но не выставяла это напоказ, хотя это ощущалось сразу при ее появлении на людях. Ее независимость не ско-

вывала ни ее, ни окружающих, наоборот, она вносила непринужденность и плавное течение бесед. Такой была Агрипина – верной наследницей своей величественной бабушки.

I. Корни

Попивая имбирный чай дома у Анны-Марии, они обсуждали современную моду и фантазировали, какими могли быть свитера во времена их прародителей. Их разговор шел плавно, петляя между модой, социальными новостями, изменениями в жизни их общих знакомых и благотворительности.

Их прервал вошедший Вильям – статный мужчина военной выправки с темно-русыми волосами и бородой. Его голос был тихим, но сильным. Ему бы служить в войсках, настолько он хорошо сложен и имел магнетическую силу повиновать других себе, но он был антрепренером и не в одной сфере. Со стороны глядя, казалось, что этот привлекательный мужчина больше подходит Агриппине, а не Анне-Марии, но, как мы знаем, люди, которые вместе, зачастую очень разные, и лишь при определенном ракурсе их лица похожи, как родные.

– Приветствую! – сказал Вильям, нежно поцеловав в макушку свою жену, а после и Агриппину.

Агриппину он любил, как сестру, имеется в виду, что он никогда не общался с ней по душам и не желал того, но он чувствовал в ней какую-то родную нить, схожесть на тонком уровне – скрытую ранимость и открытую вздорность характера. Он был улыбчив и оптимистичен на протяжении всего времени, какое его знала Агриппина, а это без малого шесть лет. И она искренне удивлялась, как человек может быть в приподнятом расположении духа постоянно.

Анна-Мария была застенчивой на людях, но в знакомой компании – очень веселой. Агриппе она напоминала пушинку одуванчика, а иногда капризную девчонку, которую сама Агриппина могла немного усмирить, как старый пес молодого щенка. Но фундамент их дружбы создался на твердой почве несгибаемых принципов: чувстве собственного достоинства, безмерного уважения всего живого и чувстве долга помогать иным.

Вильям присел на диван к Анне-Марии, немного развалившись, что было для него не свойственно. Это был тревожный признак усталости, когда ему нужно было набраться сил не только ото сна, но и от присутствия жены, тишины, полумрака и немного виски в бокале, сидя перед их небольшим камином. В такие минуты Анна-Мария сидела на диване позади его кресла, в умиротворенном безмолвии вышивала или шила, на что она была очень талантливой. При определенных усилиях и положительной энергии она могла бы стать выдающейся мастерицей пусть не на страну и не на Европу, но на свой город Оденбург точно. Однако ее счастьем было сидеть за креслом мужа, шить ему модельный пиджак, аналогов которому не было, или же себе немного экстравагантное, но не лишнее женственности и утонченности платье.

Вильям не любил делиться тем, что происходит у него на работе, точнее работах. Бог знает, чем он занимался, кажется, он был заведующим ирландским пабом и цирюльней, выпускавшей в мир мужчин сражающих наповал неискушенных девиц своими бакенами или новомодной стрижкой. Были у него связи в банке или он там имел небольшой пакет акций, она точно не знала, да и особо никогда не интересовалась. Просто связывала воедино те крупницы информации, которые слышала от них. Делала это без какого-либо умысла, просто Агриппина имела цепкую память и природный дар структурировать знания в голове, будто по полкам, папкам и подпапкам.

Анна-Мария тихонько погладила мужа по руке. Она очень его любила, но выражала любовь спокойно и чутко. Эта семейная пара производила впечатление оптимистичных и верных своим убеждениям людей с сильным характером, правильными манерами и уважительным отношением к людям из любых слоев общества. Нужно признать, что на это нужна недюжинная смелость, непреклонный оптимизм, открытая душа, но с верными стражами вокруг – манерами, верой и уважением себя как личности. Никто не мог пробраться в их душу, если они того не хотели. Если на них шли с оружием – они вступали в дипломатичные переговоры,

а иногда и в бой. Бои часто происходили тогда, когда их горячо любимые и, благо, далеко живущие родственники пытались указать на прекрасную дорогу в будущее, которую, по их мнению, Анна-Мария и Вильям не видели, как слепые котята. У них уже наготове была тяжелая артиллерия для отражения атак. И пусть они выходили с поля боя растрепанными, но все же воодушевленными победой, когда их тетеньки, дяденьки, бабушки, кузены и даже внучатые племянницы бежали с места битвы с громкими возгласами о том, что еще вернутся и покажут-таки, как надо жить.

Агриппина на все эти семейные сцены смотрела достаточно близко, но и на безопасном отдалении, будто сидела в первом ряду театра. Она посмеивалась и находила в этом какое-то самозабвенное удовольствие, как при просмотре динамического фильма.

Родные же Агриппины жили далеко, некоторые в этой стране, другие рассеялись по миру вплоть до Аляски. Агриппина однажды гостила там и была под большим впечатлением от мощи и силы стихий. Открытые в своих побуждениях, ее родственники устроили такой радушный прием, что она терялась в своих чувствах, то ли она была королевой, то ли лесной сказочной обитательницей, с которой не всегда знали что делать, но главное – вкусно накормить. Там на Аляске Агриппа работала с ними во дворе на равных. Они жили в небольшом поселке недалеко от шумной речки, куда бегали полоскать ноги в ледяной воде после насыщенного рабочего дня. И шок, получаемый от соприкосновения кожи с водой, перерастал почти в безудержный хохот. Она с младшими кузенами хохотала, пока живот не сводило судорогой. И после того, как они обтирали разгоряченные покрасневшие ноги рукавами своих кофт и засовывали их в носки и ботинки, почти наперегонки бежали к дому, откуда уже доносился до их урчащих животов запах спеченных к ужину булок.

Когда они садились за стол, легкий озноб уступал место разливающемуся по телу теплу. И тогда на их лицах проступали счастливые улыбки, и звучал беспричинный смех. Их теплые свитера с меланжевой вязью хранили тепло, а душа наполнялась запахами и звуками уютного пространства жизни. Агриппина чувствовала себя с ними настолько счастливой и беззаботной, что ей хотелось остаться там навсегда, посвятив себя хозяйственным заботам и мелким радостям жизни. Она любила каждый клочок земли, каждую пристройку и старую деревяшку. С заборов она бережно убирала засохшие с осени сорняки. Так радостно прошли почти три недели ее отдыха, и она уже собиралась домой. Родные ее уговаривали остаться, но она знала, что лучше уходить во время радостного возбуждения, чем на его спаде. Да и родным не хотелось мешать – им тоже нужно побыть самим. Все же и в деревне хочется уединиться со своей семьей и со своими мыслями. Укладывая вещи, она уже начинала тосковать по собственному миру, поэтому большого сожаления не испытывала, прощаясь с любимой местностью и дорогами ее сердцу людьми. В аэропорту она чувствовала себя уже той дамой, которая обрела границы и надела легкие доспехи.

II. Квинтэссенция

Агриппина сидела в кафе, попивая венский кофе и заедая излюбленным пирожным. Она сидела у большого окна, растянувшегося от потолка и чуть ли не до пола. Это было одним из небольших наслаждений, когда время останавливалось, кофе оставался той же температуры, а его запах, пробираясь в тело, поселялся в нем и впитывался в сосуды. Она в это время что-то записывала, а точнее делала вид, что писала. На самом деле она грезила о чем-то или медитировала, определенно было сказать трудно, ибо мыслей в тот момент в сознании не было, а где-то глубоко внутри проводилась бурная и оживленная работа. Но этого никто никогда не узнает, в том числе и она. Но... если позволить себе как автору заглянуть на дно колодца ее души, мы бы увидели маленького человека, гномика, который ошалело стоял на одном месте, вдыхая запах кофе. Это тот гномик, который вечно копает угольную шахту, вынося на поверхность кучу золы, и бог знает, когда он закончит работу и выйдет на пенсию. Этот маленький человечек не давал Агриппине покоя. Иногда она садится за ужин, а он как начнет копать, и все копает и копает, и спасу с ним нет. Прикрикнешь на него – он вроде утихомирится, но через несколько мгновений продолжает свою смену пока все не выкопает. Бог с ним, пусть копает, если ему так нужно. Только этот уголь потом и расходовать надо. Агриппина и расходовала – вспышками раздражения.

Но не сейчас. В этот момент все ее тело и душа были на одной ноте, колеблющейся в воздухе и затихающей в отдаленных углах кафе. Она наслаждалась видом старинных зданий на противоположной стороне небольшой мощеной улочки. Было прохладно, ранний октябрьский снег сошел, и люди инстинктивно сменили теплые куртки на плащи, укутавшись в изысканные шарфы и неся с собой зонтики. Погода в Оденбурге была непредсказуемой невесть от чего, то ли морские течения приносили с собой теплые массы, то ли ветер нагонял с далекого моря клубы облаков то с проливным дождем, то с вихрем снега.

Зазвучал входной колокольчик, и в кафе зашел молодой человек в дорогом бежевом пальто. Он был черноволос с небольшой бородой и немного то ли озабоченным, то ли хмурым взглядом. Это был знакомец Агриппины, и она, откликаясь на звук, узнала его и рукой пригласила к своему столику. Фриц – так звали такого же, как и Агриппина, постояльца этого кафе. Они крайне редко виделись, но эти встречи доставляли обоим интеллектуальное наслаждение и искреннюю радость. Они были знакомы с детства, когда их родители праздновали дни рождения друг друга. Характеры у детей были разными, и ситуация не изменилась, когда они выросли и обзавелись разного рода деятельностью.

Фриц было отказался от предложенного официантом кофе, но видя разморенное лицо Агриппы, все же заказал себе напиток и десерт.

– Знаешь, Агриппа, как иногда бывает тоскно на душе? Ты знаешь это чувство, будто что-то изнутри высунуло мерзкую руку и сжало тебе горло, и не вдохнуть, и не выдохнуть, – начал Фриц. – Я поначалу думал, что это связано с уходом Элеоноры. Она все же любила меня, и расставание было мучительным и тягостным. Ей от того, что она не хотела уходить, а мне – от желания, чтоб это все поскорее закончилось. И вот когда она, уходя, закрыла, а точнее прикрыла за собой дверь, оставляя флер надежды, я подошел и, заперев дверь на ключ, вздохнул так спокойно, будто тащил за собой трактор, а тут, наконец, мне разрешили его оставить, и я могу пойти домой отужинать, принять горячий душ и лечь в мягкую постель. Ты представляешь, как мне было тяжело тогда?

– Ты не производил впечатления страдальца. Наоборот, ты, кажется, был польщен, что у тебя красивая, пусть и немного глупая жена. К тому же глупость добавляет женщинам нежности в глазах таких мужчин как ты, не так? – поддела его Агриппа. – И ты теперь возомнил из себя мученика. Только я не пойму, как твоя тяжесть, уступившая место радости, переросла

в тоску. Когда все повернулось не в ту сторону? Почему ты не продолжаешь наслаждаться жизнью, когда она подарила тебе ту пустую подарочную упаковку, которую ты ждал столько лет? Или же ты ждал что-то найти в этой упаковке?

– Самое интересное, что ничего-то я не ждал. Она ушла, и бог с ней, она будто сама забрала с собой тот трактор, который я тянул. Благо, у нас нет детей и обязательств друг перед другом. Она ходит на работу, пока поживет у родителей, а там глядишь, кого-то найдет. Ведь одинокие брошенные женщины кажутся такими ранимыми и нуждающимися с тепле и мужской ласке, не правда ли? – закончил Фриц насмешливо.

– Если ты хотел меня задеть, пардон, я ничего не почувствовала. Что касается твоей Элеоноры, меня она не интересует, я и раньше была удивлена, как ты живешь с пустой женщиной, которая коллекционирует цитаты знаменитых людей из женских журналов. За ее судьбу я не переживаю еще и потому, что она обязательно найдет такого же глупца, как ты, который согласится тянуть ее трактор еще несколько лет, а потом все будет повторяться и повторяться. Скучно, правда. Так что ж тебя гнетет?

Разговор начал развиваться. Ранее такого душевного откровения у них почти не случилось, а если были подобные диалоги, они быстро заканчивались. Агриппина не любила нырять на днища колодцев других людей, ибо там так же мрачно и сыро, как в настоящих.

– Поймешь ли ты меня, Агриппа... Мне очень важно, чтобы ты меня поняла, по крайней мере, мне важно самому рассказать, возможно, я и найду ответ. Тоска..., – протянул Фриц и сразу же продолжил. – Я не знаю, откуда она берется и куда уходит. А тем более как, как она это делает. Как приходит, понимаешь? Качаешь головой? Вот и я тоже не знаю. Понимаешь, в один из дней стало так тоскливо и скучно, хоть, как говорят, в омут с головой. Мне и радоваться, что я сам дома хозяин, но нет. И все тут, и не знаю. Будто пришла важная мысль, которую нужно записать, нашел блокнот, только начал писать и вдруг – амнезия, не помнишь, что с тобой случилось, и почему ты тут оказался. Так и с тоской, я все бегал, рыскал, что-то вынюхивал, за чем-то охотился, а потом «бац» – пустота. Нет, это положительно смешно. Я говорю, и самому хохотать хочется, а потом плакать. Будто таким образом эта пустота выйдет из меня и предстанет передо мной... в роли смерти. О, вот это я сообразил, ничего себе, – и он залпом выпил оставшийся в чашке кофе и сразу же запил его водой.

После минутной паузы, пока Агриппина глядела в окно на прогуливающих и спешащих по делам людей, он продолжил:

– Дорогая, я надеюсь, что не напугал тебя?

– Не называй меня так, тебе это не к лицу, да и мне не по душе. Нет, ты меня ничуть не напугал, я даже рада, что это выплеснулось из тебя – твой демон, – усмехнулась она.

– Да, это было будто откровение. Но что мне делать с этой ледяной красавицей, почему она живет во мне? Имя ей Тоска. А по факту – Смерть.

– Не утрируй.

– Ты же меня знаешь, я – железный Фриц. И вашей фрейдовской терапией меня не проймешь, но хандра – чувство настолько распространенное, что иногда мне кажется, будто она входит в состав молекул воздуха. Ты никогда не думала, что хандра – это часть натуры человека? Он без нее – не человек.

– Задумывалась, – моментально откликнулась Агриппина, хоть и продолжала мутным взглядом смотреть в окно. – Я часто думаю об этом: о природе человека, о его разуме и душе, и я задумываюсь, что же нас делает людьми. Ведь не новомодная одежда и возможность пить кофе с кружечки и держать ложку. Чтобы это могло быть... Умение врать, думать о своем предназначении или хандрить и впадать в депрессию? Но вот закавыка: мы не знаем, что на самом деле думают животные. Хитрить они умеют, впадать в уныние и тосковать умеют. А думать о смысле жизни умеют? Они знают, что их ждет смерть? Наверное, да, иначе они бы не улетывали со всех ног при появлении хищника. Смысл жизни... вот что остается. Ты, Фриц,

когда-нибудь думал, для чего ты живешь, для чего живут другие люди: я или уже не твоя Элеонора, вон тот прохожий за окном в сером пальто с сутулой спиной и отсутствующим взглядом? – она ткнула ложкой по направлению к окну. – Что ты думаешь обо всем этом? О роли человека в этом мире?

Фриц опустил голову и ушел в себя. И только через пару минут он готов был ответить, будто то, что сказала Агриппина, ненадолго зависло в воздухе, а уже потом влилось в его уши. Будто решившись на что-то, Фриц приглушенно произнес:

– Я не знаю, у кого есть ответ на этот вопрос, и если он есть, то должно быть готово еще несколько миллиардов ответов – от каждого человека жившего на этой земле. Вопрос еще в том, все ли задумываются о своем существовании как личности, все ли понимают, какой вклад они делают или могут сделать? Часто на меня накатывают негуманные мысли о никчемности существования множества людей, а в часы черной тоски – и моего существования тоже. Что сказать? Люди не ходят вокруг нас и не говорят: «Здравствуйте. Меня зовут Пауль, и мой смысл жизни состоит в том-то и том-то». Хотя это было бы просто отлично, я считаю. Мы больше бы ценили различия между нами и понимали бы роль каждого в этом мире. Интересней было бы жить? Думаю, безусловно. Ведь если ты знаешь свое призвание, тебе нечего метаться из стороны в сторону, разбрасывать и вновь собирать свою личность по кусочкам. Теперь я спрошу тебя, почему нужно проходить весь этот тернистый путь, тыкаясь как слепой котенок, почему у нас в голове сидит этот вопрос о смысле жизни, почему мы должны его искать? Или я что-то путаю?

– Фриц, тут есть несколько путей для раздумий. Первое, существует ли вообще смысл жизни и ее цели. Второе, задумываются ли люди о смысле существования. Третье, почему он так глубоко зарыт, а не находится на поверхности, почему приходится прилагать столько усилий, чтобы его найти. У меня сейчас возникла одна ассоциация: когда ты ищешь ключи от двери, чтобы выйти из дома, ходишь, знаешь, что они где-то есть, ищешь под подушками, в ящиках и даже в хлебнице. Время поджигает, чувствуешь, как дыхание учащается, лицо наливается кровью, будто вот-вот взорвешься от злости и раздражения, а тебе надо спешить. И вот когда ты уже начинаешь опаздывать, ты их находишь под небрежно кинутой кофтой. Но время вышло. Все. Все остановилось. Ну, есть у тебя в руках ключи и что? Ты – опоздал. Ты мог успеть выйти и увидеть мир, но ты был так долго занят поисками ключей. И даже если бы ты не пытался их искать, сами бы они не нашлись. Если бы ты просто радовался своему существованию и тому, что ты в крепких надежных четырех стенах, что бы это дало? И кому? Чувствовать себя рыбой в бочке, где спокойно и тепло? И вот еще вопрос, кто тот, что создал эти ключи и замки и кинул их, куда не попадая? Ты меня понимаешь?

– Прекрасно, Агриппина, прекрасно, – потер руки Фриц. – Последуем твоей аналогии. А как ты все эти вещи внесла в дом, кто тебе открывал, и почему ты не повесила ключи на место? Мы продвигаемся ко всеобщему началу. Откуда все началось? Что было, когда тебя не было? Или последуем методу психотерапии: что было бы, если ты все-таки вышла бы за дверь?

– Моя аналогия ни в одну, ни в другую сторону не простирается, иначе она теряет смысл.

– Вот! В этом вся соль. Смысл! А может – его нет? Может человек живет так, как животное в вольере, оно думает и немного догадывается, что за пределами что-то может быть, оно не способно открыть дверь, и ему стоит только ждать, пока его откроют и выведут.

– Да, Фриц, но суть в том, что человек умеет открывать как вовнутрь, так и наружу. И если он закрывается, то зачастую делает это добровольно, чтобы уберечься от внешнего мира. Но мы уже отходим от важного вопроса. Для чего искать смысл жизни, если иногда люди его и вовсе не находят, тогда они что – просто биологический материал или же они как-то влияют на мир? Мы привыкли видеть мир как большинство и меньшинство, мы так редко заглядываем людям в душу, а разговоры с ними носят такой поверхностный характер. Часто люди считают своим

смыслом семью. А если у них нет семьи, нет корней, и их как одинокую веточку воткнули в землю, и она случайным ли образом проросла? А какие плоды она даст и даст ли вообще? Некоторые веточки сохнут и стоят сухостоем. Что мы делаем с ними? Обходим, доламываем, не обращаем внимания, понимаем, что нет смысла поливать. И снова нет смысла. Так и с этими одинокими людьми. Если у них ничего и никого нет, неужели у них нет себя?

– Не знаю, Агриппа. Это все очень сложно. Давай, родная, допивай свой кофе, и отправимся на прогулку. Сейчас на улице так легко дышится.

Расплатившись и одев свои пальта, они вышли. Воздух звенел и переливался оттенками охры – от бледно-желтого неба до буро-красных стен старинных зданий. Агриппина на несколько мгновений ослепла от этой вселенской красоты. Неужели в этом мире может быть одновременно так красиво, свежо и прозрачно, а вокруг тебя – легкий флер запахов засыпающей природы? Плавно выйдя из этого состояния, она взяла Фрица под руку, и они неспешно пошли в сторону видневшегося в конце улицы старинного парка.

Они молчали. Фриц был красив, и Агриппина чувствовала себя с ним очень приятно. Фриц, казалось, немного отошел от своих раздумий и сам растворился в осеннем воздухе. Будто волшебство витало вокруг них, залетая через ноздри и меняя в голове переключатели с грустных и тоскливых мыслей на мягкие и теплые воспоминания, родом из детства. Ибо что нас так может пленять во взрослом возрасте, как не случайно донесшийся знакомый запах топленой печи, пирогов, старых книг и фолиантов, дедовой бани, пропахшей дубовыми вениками?

Странно было вспоминать, что еще неделю назад падал тот пушистый снег, и вот природа вновь откинула жителей Оденбурга на месяц назад. Будто бы и не было того вечера и предрождественского ожидания.

III. Призраки прошлого

Фриц резко оглянулся назад, будто его кто окликнул.

– Что такое? – Агриппина вырвалась из своего состояния. – Кого-то увидел?

– Да нет. Призраки прошлого... – немного рассеяно и с нотой раздражения ответил Фриц и замолчал. – Показалось, что Элеонора окликнула. Показалось...

– Фриц, ты либо дурак, либо не веришь сам себе, – ее начинали раздражать упоминания об его бывшей супруге, особенно из-за того, что это прервало ее тонкую интуитивную связь с природой. – Сходи к психологу, напейся, познакомься в пабе с развязной ирландкой, сделай что-нибудь, чтоб хотя бы на людях ты не упоминал о ней.

– Почему ты так нервно реагируешь?

– Я? Нервно? Ну да. Да, меня все это раздражает! Мы тут идем, так красиво, такая погода, воздух, солнце садится, а ты вспоминаешь ту глупую блондинку. Ты будто старой машиной проехался возле меня, пока я медитировала. Вот поэтому я и злая. Ну ладно. Что же это я... Прости. Ты сам знаешь, что я иногда остро реагирую на что-то, а потом все проходит, я становлюсь сама собой. Пойдем же, парк уже близко. Как красиво, Фриц, как красиво...

И они зашагали по прекрасно уложенному еще 200 лет назад тротуару. Парк напитывался последними лучами солнца, все оставшиеся на ветках листья будто купались в них, беззаботно плескаясь, как дети в пенной ванне, зная, что скоро вернется мама и заберет их оттуда. Агриппина вновь глубоко вдыхала воздух, и на сей раз, он был пропитан мхом и опавшими листьями. Хрупкий баланс между нею, природой и Фрицем был снова нарушен.

– Давай я вызову тебе такси, – предложил он. – Солнце скоро сядет, я не хочу, чтобы ты шла домой в темноте. Твой район безопасный, но ты – красивая женщина, на тебе дорогое пальто и хорошая сумочка в придачу, которая так и желает соскользнуть с твоего плеча в руки какого-нибудь карманного умельца.

Да, шутить Фриц умел не особо. Английский юмор не был ему присущ. Агриппина повела рукой, пытаясь отклонить предложение – она любила гулять сама, особенно, когда сумерки встречались с дневным светом, когда было еще светло, но фонари уже загорались. Это такая тонкая волшебная грань, напоминавшая ей о прогулках с отцом – сладостные моменты, когда они заходили в ярко освещенные магазины, покупали мандарины, которые восхитительно пахли и выходили уже в вечер.

А вообще Агриппа не любила ходить одной по мрачным улицам, ей вспоминались детские страшилки. Смешно, но бессознательный ужас и нелогические надуманные цепочки событий окружали ее по мере углубления в темноту. Она любила освещенные мягким светом центральные проспекты города, где на уличных кафе еще в эту пору иногда сидели постояльцы, попивая горячий чай или глинтвейн. Но даже в таких центральных районах можно ненароком свернуть за поворот и оказаться почти в непроницаемой тьме, откуда тянутся к тебе невидимые руки мрака, страха и животного ужаса.

Случилось раз, что ее одернул какой-то наркоман или кем он там был, на одной из таких улиц. Агриппина оцепенела и не могла пошевелиться. Она до сих пор не понимает, что с ней тогда случилось, почему из-за этого почти нелепого случая все ее страхи всплыли, будто мусор на поверхность океана. Тогда она почти не осознавала происходящего. Тот парень дважды дернул ее за сумку, пытался выхватить бессознательно поднятый ею к уху телефон, чтобы позвать кого-то на помощь, а потом просто ушел, развернулся и ушел. Навсегда. И больше она никогда его не встречала, хоть и запомнила его. Несчастный парень – жертва экономического сговора. Если не слез с иглы, то уже давно умер, ведь лет десять как прошло с того случая. Агриппина была тогда еще юной, лет девятнадцати, а сейчас это красивая высокая девушка, как грациозная лань, шагавшая в элегантных полуботинках.

Одна часть души простила того парня, вторая часть души хотела мстить и продолжала ненавидеть, потому что он вырвал ее из девичьих грез и заставил посмотреть на все ужасы, происходящие в мире, будто окунул лицом в мутную воду, где она увидела отчаянные лица и глаза, наполненные животным страхом, истязаемые и мучимые физически и душевно. Что она могла сделать? Мир испокон веков несправедлив, кто бы за него не умирал. Но она не могла смириться. И это давало ей смелость жить в настоящем мире, где есть место красоте и отвратительным вещам. Как она могла себя уберечь еще раз? Как знать, что она в безопасности, когда она одна?

Это был ее тайный призрак прошлого. Она носилась с ним, как с прищипленной булавкой к одежде. Если ее отстегнуть, утратила бы она свою бдительность? А может наоборот, она мысленно была бы в большей безопасности? Наверное, все же первое. Она боялась потерять бдительность, забывая, что этим ограничивает и сужает широкий мир до самой себя. Животный инстинкт просыпался в ней. Иногда в моменты таких мысленных блужданий по лабиринтам сознания она становилась агрессивной, ее злил этот неотступный страх – демоненок, живущий в небольшом чулане. Только она пыталась открыть новую дверь, демоненок открывал свою и ехидно смеялся до дрожи в теле, до резкого прилива крови к голове, когда лицу жарко, а телу холодно – отвратительное чувство.

Агриппина села в такси, на прощание вежливо приобняв Фрица. Она была благодарна ему за проведенное время. Он был так откровенен в своих словах, а она – в чувствах. Они – с такими разными жизнями и характерами. Они могли быть отличной парой и хорошо выглядели вместе. Только Фриц был амбициозен и жил в своих стремлениях, когда Агриппина превыше всего ценила независимость и размеренный плавный ход жизни. Она утомилась от суматохи, когда работала не покладая рук управляющей большим магазином одежды. У нее в голове помещалось множество цифр, цен, фасонов, балансов и сводок. Она была почти незаменимым работником, идеально знающим свое дело. Но ее корни призывали к себе. Бабушкина жизнь помогла ей невообразимым образом устаканить и свою. Агриппина поняла свою ответственность перед собой, сложила полномочия, передав их молодой талантливой девушке, которая была стопроцентным экстравертом в противоположность Агриппе.

Так она и ушла, обратив свой взгляд за пределы магазина и дома. И тогда она увидела улицы, дворы, и черт их поберит, темные переулки, где хотелось вкрутить кучу ламп, открыть кафе и посадить туда людей.

В такси она позволила себе откинуть голову на подголовник и смотрела на темнеющее небо поздней осени. Агриппина прощалась с нею со щемящим чувством тоски, будто провожала навсегда сердечно близкого друга, настолько сильно осень откликнулась ей в душе. «Глупо бояться», – в очередной раз подумала она. Агриппина с удовольствием ощущала мягкое дерматиновое сиденье, тепло нагретого салона и любовалась сильной спиной ее вежливого водителя.

Она вышла из такси и подошла к дверям своего дома. Это было старое здание, построенное по всем законам благородного общества с прирожденным чувством изысканности. Вход был утоплен в здание, украшенный арочным сводом и освещен желтым мягким светом. По сторонам в горшках росли вечнозеленые туи, и рождественское настроение было первым консьержем, встречавшим жителей дома и их гостей. Массивная деревянная дверь с врезным стеклом была защищена магнитным ключом – новшество, оберегающее дух жилища. За дверь ее встретил уже настоящий консьерж, поинтересовавшийся ее делами и пожелавший хорошего отдыха. Фойе дома сразу окутало ее теплом и провожало ее к лифту по красному ковру.

В доме был лифт и ступени. И возможность менять одно на другое – неплохой способ разнообразить путь вверх. Она любила хорошо освещенные лестничные марши, в то время, когда холодный полумрак, отдававший синевой или болотным цветом, вводил ее в уныние и давал сигнал демоненку выглянуть из своего укрытия.

Лифт, на счастье, уже ждал ее, чтобы поднять к себе. Соседи Агриппины были чопорными жильцами, видевшими мир еще до стремительного прогресса, но уже приспособленными к его бурному потоку. Часто она слышала приглушенный старческий смех даже позже десяти вечера, это означало, что ее благородного возраста соседи хорошо проводят время. Святая простота. Как они радовались жизни.

Агриппина жила в просторной двухкомнатной квартире. Окна были с низкими подоконниками, где она иногда устраивалась пить кофе в летние утренние часы. А в зимние дни там были постелены вышитые пледы, которые придавали окну романтический вид ожидания рождественских и новогодних праздников. К Рождеству она не ставила елки, а просто веточками и игрушками украшала окна, камин и другие предметы интерьера. Да, в ее квартире даже был настоящий камин. Она редко его разжигала, ведь чтобы его разжечь, нужно было звать помощника, самим это делать было запрещено в целях безопасности. Когда ей хотелось затопить камин, она звонила консьержу и просила его. Заказывать камин можно было не более трех раз в зимний месяц, и лишь раз в месяц в оставшийся период года. Приходил его сын, который работал здесь помощником. Андре, так его звали, был очень отзывчивым и славным парнем. Он аккуратно приносил и раскладывал дрова, чтобы ничего не упало на пол. Открывал вентили, проверял дымоход и тогда поджигал. Андре каждый раз инструктировал о безопасном поведении с огнем и перед уходом проверял лишний раз, не намусорил ли.

Войдя в квартиру, Агриппина посмотрела на часы. У нее было еще четыре часа свободного времени. Она легла спать в десятом часу, а проснулась к шести. И она как раз размышляла, направляясь в кухню, чем бы заняться. Ее кухня была просторной немного прямоугольной формы комнатой с выходом на открытый балкон, отороченный коваными перилами.

Агриппина в целом любила готовить и делала заготовки, как на неделю, так и на месяцы вперед, что-то сушила или консервировала. Поэтому на подвесных полках всегда можно было увидеть баночки с вареньем и засушенными ягодами.

За окном уже полностью стемнело, когда она закончила ранний ужин и заварила черный чай, нарезав заодно лимон. Все это поместила на поднос и поставила в гостиной на круглый столик с резной ножкой. Примостившись в своем излюбленном кресле, она обратила свой взгляд в окно на соседний дом, где уже понемногу зажигались огоньки людьми, возвращавшихся домой.

Прихлебывая горячий чай, она размышляла о суетности, о том, как текут реки жизни, про то, каким может быть бурным даже самый маленький ручеек, когда он спотыкается о камешки. Фонтан брызг, а смысл? Есть еще и полноводные реки, и тихие ручьи, и заводи. Сколько же в мире путей? Это похоже еще и на то, как можно из одной точки города прийти к другой. Ты можешь выбрать любой путь. Сто, тысячу человек могут выйти из одного пункта и прийти в другой разными путями. Но кто придет позже, а кто раньше? И имеет ли это смысл – прийти раньше? Если ты хочешь прийти заранее – ты идешь коротким путем и смотришь на цель, а если цель тебя не интересует как таковая, ты блуждаешь улицами, изучая дома и растительность на них. И когда ты приходишь к цели позже всех, ты уже столько узнал, столько впитал в себя запахов и звуков, ты устал и, возможно, очень доволен прогулкой. Что будет дальше после этой цели? Разойдутся ли все по домам или будут искать новую цель? И тут ее аллегория оборвалась телефонным звонком.

Агриппина оглянулась на звук, еще раз прихлебнула чай и подошла к каминной полке, откуда доносился звонок.

– Алло, – начала она.

– Полина! – она сразу узнала голос Анны-Марии. – Сегодня такой хороший вечер, не правда ли? Мы с Вильямом хотим пригласить тебя в гости. Посидим, поболтаем, я могу приготовить глинтвейн. Что скажешь, дорогая?

Такого рода предложения всегда ее смущали, половина ее души тянулась к друзьям пообщаться, а другая половина хотела остаться дома и панически перебирала мысли о том, как отказать. В эти мгновения ей хотелось одновременно грохнуть трубкой об телефонный аппарат, провалиться сквозь землю, повернуть время вспять на пару минут и не отвечать, уже зная, кто звонит, превратиться в мужчину и мужским голосом ответить, что такая-то здесь не живет. «Вот черт!» – подумала Агриппина и решила испытать судьбу.

– Хорошо, – неожиданно для себя самой выпалила она и чуть не поперхнулась. – Я могу уже выезжать? – спросила она, пока сама не передумала, и ее горло не сжалось в безжалостных тисках Агриппины-домо-седо-любки.

– Да, конечно! Так ты будешь глентвейн? Вилли, ты будешь глентвейн?! – прокричала она уже не в трубку.

Агриппина не слышала ответа, но предварительно отказалась.

Положив трубку, она поняла, что самый сложный перевал в ее сомнениях был преодолен, и теперь нужно было идти туда, где ее ждут.

Она решила ехать на такси – меньше неудобств и сомнений к пункту назначения. Агриппа позвонила на рецепцию и спросила смог бы помощник отвезти ее к друзьям и забрать через два-три часа. Консьерж, не ждя трубку спросил у сына, на что тот быстро согласился. Поистине добрая душа и умелые руки этот Андре. Агриппина пообещала спуститься через десять минут. За это время она осмотрела себя в зеркало, слегка подправила природный макияж на глазах и наредила губы бордовой помадой – в вечернее время этот цвет очень шел к ее темно-русым волосам и светлой коже с веснушками. Посмотрев на часы, она увидела, что прошло как раз восемь минут и еще две минуты осталось, чтобы закрыть дверь и спуститься к парадному. Пунктуальность была ее визитной картой.

Выйдя в освещенный мягким светом холл, она поблагодарила консьержа, сообщившего, что машина уже ждет ее. Агриппина, не останавливаясь, последовала к выходу.

IV. Неожиданное предложение

Вечер уже пах сыростью. Андре – молодой с еще юношеской фигурой слегка сутулился, еще не переняв то достоинство, которое было присуще его отцу. Но парень был настолько открыт и услужлив, что все жители дома, в том числе и домашние питомцы, были от него в восторге, притом что для его юных лет он практически не совершал промахов. Поистине большое будущее ждет этого парня, который не боится работы и искренне любит других людей.

Андре подошел пружинистой походкой и открыл Агриппе двери заднего сиденья, куда она с легкостью плюхнулась. Они тронулись и первые пару минут ехали молча. Но Андре обладал природным талантом к непринужденному общению и искренней заинтересованностью делами других людей. Их консьерж мог гордиться таким сыном, и пусть они оба думали, что парень продолжит дело своего отца, у Агриппины было иное мнение. Слишком он талантлив для этой должности, хотя и отец его был очень умен, вынослив и трудолюбив. Поэтому если эта работа так и останется ему по душе, а он будет счастлив, выполняя свои обязательства и живя бесплатно в одной из квартир на первом этаже, пусть будет так.

– Прекрасная сегодня погода, не правда ли? – начал разговор Андре. – Вы заметили, как сегодня брэнчал воздух? А как искрилось солнце?

«Романтик», – подумала Агриппа и задумчиво ответила:

– Да, сегодня прекрасный день.

Они общались на «Вы». Для Андре это было делом профессиональной этики и чести, для Агриппины – делом порядочности и признаком обоюдной равенности.

– Я сегодня по заданию отца отправился на рынок, а потом заглянул к своей бабушке в пансион. Вы знаете, она себя там отлично чувствует. К ним приходят дети из детских домов, рисуют их портреты, они вместе лепят, играют в шашки и домино. Детям нравится играть с ними, потому что старики поддаются, но делают это так искренне, – рассмеялся Андре. – Наивные ребята, но не стоит их разочаровывать с первых ступеней жизни. А еще там почти у каждого есть свое животное. Они тоже из приюта или же старички переселяются сюда уже со своими питомцами. Те ночуют рядом с хозяевами. Знаете, как это помогает? Если что неладно с человеком, они начинают выть и скрести двери. Таким образом, дежурные узнают о проблеме и успевают вмешаться и помочь.

– А сколько стариков живет в пансионе?

– Около тридцати. Вы бы видели, какой там парк! Ухоженный зимой и летом газон. Низкое ограждение, которое прячется за аккуратно подрезанными кустами, фруктовыми и хвойными деревьями, поэтому там нет впечатления изоляции. Из соседних деревень им приносят домашние продукты. И хоть у некоторых стариков – диета, они с благодарностью принимают помощь, понимая, что внимание к ним абсолютно искреннее.

– А персонал? На них нет жалоб? Как они справляются?

– Многие из персонала там содержат и своих престарелых родителей, дедушек и бабушек бесплатно. Там сложная система вычислений вознаграждений для работников, чтобы и им было хорошо, и проект был прибыльным для владельцев. Их пансион приглашают к участию в разных социальных проектах, вот как с детьми или животными. Детский дом получает долгосрочную выгоду в том, что дети социализируются, учатся состраданию и уходу за старшими. Часто эти дети потом идут работать в такие пансионы, понимаете? У них с детства заложен подход к пожилым людям, если хотите, привычка или модель поведения.

– Хорошо продумано. Отвезите меня следующий раз туда, когда будете посещать свою бабушку, я хочу сама увидеть, как там живет, возможно, я буду чем-то полезна.

– О мисс, это было бы так великодушно.

– Прошу вас, Андре, – Агриппина сделала болезненную гримасу. – Ничего в этом нет настолько великодушного. Мне думается, что это просто правильно и порядочно интересоваться людьми, которым нужен уход и внимание.

– Вы умаляете свои душевные порывы, если откровенно. И если хотите знать, вы даже немного меня обижаете.

– Предположим, вы сами решаете, обижаться вам или нет, – перебила его Агриппа.

– Так вот, – невозмутимо продолжил Андре, будто не слышал ее слов. – Примите свою сущность, откройтесь миру, похвалите себя, в конце концов, за ваши устремления. Вы когда меня хвалите, замечали, что я конфужусь?

– Нет, – задумчиво ответила она. – Напротив, вы так искренне улыбаетесь...

– Ну вот, – обрадовался Андре, – а я ведь тоже служу людям и делаю это не из-за денег или квадратных метров, а просто из своих принципов или воспитания, или просто потому, что я такой. Я люблю людей, они мне нравятся, все такие разные: кто хмур, кто весел, кто имеет сомнения и робость, а кто чересчур самоуверен, понимаете? Это как сложный музыкальный инструмент – орган или арфа, и Бог играет на нем свою мелодию. Вы меня понимаете, мисс? Если бы были две одинаковые струны или клавиши, стоило бы использовать одну из них? Поэтому-то все разные. Иногда вам может казаться, что вы с человеком одинаковы, но нет, вы просто звучите в унисон.

– Добрались! – неожиданно для Агриппины прозвучал решительный голос Андре, когда она уже погрузилась в свои мысли. – Когда вас забирать?

– Приезжайте за мной не позже, чем через три часа и предварительно наберите перед выездом. Я позвоню вам, если захочу вернуться раньше, – ответила Агриппа и вышла из машины.

Квартира Анны-Марии и Вильяма находилась в похожем доме, как и у Агриппины, но немного проще и без консьержа. Она быстро поднялась на третий этаж и позвонила в звонок. Дверь распахнулась, и Агриппа из тускло освещенного коридора попала в уютное гнездышко друзей. Она обнялась с подругой, обменявшись приветствиями, после чего Анна пригласила ее в зал, пока она принесет из кухни напитки.

Агриппа зашла в комнату и увидела в кресле напротив Вильяма еще одного человека – Фрица. Это оказалось для нее сюрпризом – так часто они еще никогда не виделись, и от этого встреча предвещала быть непредсказуемой. Обычно их плавный поток разговора мог теперь ввергнуться в другое русло или вообще сорваться водопадом в неизвестную местность.

– Сюрприз тебе, сестренка! – в голосе Фрица чувствовалась издевка.

– Приветствую! – обратилась она к мужчинам и присела на ближайший диван лицом к ним, но на достаточном расстоянии, чтобы они могли договорить и уже тогда расширить свой круг общения.

Агриппине показалось, что Фриц еще не успел настроиться на ее приход, потому что он знал – Агриппа почти всегда отказывает в приглашениях, если недавно общалась с кем-то. Он не ждал ее визита. Анна их обоих не предупредила. Воспоминания об откровенности перед ней и ее вспышке гнева сейчас раздражали его.

Агриппине стало некомфортно, в ней боролись два чувства: то, которое ей с самого начала твердило об уютной обстановке ее гостиной и о недочитанной книге на прикроватной тумбе. Другое же чувство восставало против почти вселенской несправедливости, ведь она была званой и искренне ожидаемой гостьей, и не важно, что тут есть тот, кто не ждал ее. Резким движением она откинула от себя журнал и устроилась на диване удобней, уставившись в камин, видневшийся между креслами мужчин. Они почувствовали этот взгляд и приостановились, чтобы сменить тактику разговора. В эту минуту ситуацию спасла Анна-Мария, со смехом вошедшая комнату, неся поднос с чашками дымившегося глинтвейна, который враз окутал ароматом корицы и апельсина недовольные мысли.

Агриппа не стала отказываться от принесенного угощения, соскользнула на теплый плед, лежавший на полу возле дивана, и Анна-Мария уселась на ее прежнее место, подогнув под себя ноги. Вильям же взял две чашки и одну передал Фрицу.

– Пейте, друзья, – сказал Вильям. – Анни прекрасно делает глинтвейн. Здесь больше запахов, чем самого вина, так что уверяю вас, что вы сможете преспокойно добраться домой на своих авто. Коих у вас, пардон, нет.

И захохотал. В этом был весь Вилли – шутить, когда не только не до смеха, но и хочется придушить кого-нибудь из попавшихся под руку. Агриппина вновь почувствовала пробежавший по телу легкий озноб, который означал почти последнюю степень раздражения. «Надеюсь, сегодняшняя встреча закончится повеселее», – подумала она, делая осторожный первый глоток.

Сразу же рот наполнился ароматным паром, и в носу зашекетало. Агриппа погрузилась в настоящее мгновение, проживая его всеми органами чувств. Приятный мерцающий свет огня, аромат горячего вина и пряностей, треск поленьев, тепло, разлившееся по телу. В одно мгновение все стало таким родным и близким, люди в этой комнате стали настолько единими в своей сущности и она вспомнила, о чем ей еще недавно рассказывал Андре. Каждый человек – отдельная клавиша или струна. Все так. Даже Фриц, сидящий вполборота к ней, перестал ощущаться таким колким и холодным, теперь его было несказанно жаль, что он надломлен и одинок. Когда ты перестаешь скрываться, тогда твое ощущение одиночества не настолько сковывает, и выясняется, что каждый считает себя одиноким. Сейчас ей было искренне жаль Фрица, он много пережил: от ранней потери родителей до почти полной потери индивидуальности, живя с красивой куклой, заполнявшей все пространство.

Первой заговорила Анна-Мария:

– Помните нашу поездку к морю? Фриц, жаль ты не согласился. Мы так прекрасно провели время. Почему я это вспомнила, – встрепенулась она, взглянув на удивленное лицо своего мужа. – Да просто там служащий кафе носил между столиками глинтвейн. Мы еще посмеивались, для чего местным жителям летом пить глинтвейн. Мы просто забыли, что южная зима – для нас настоящее лето.

– Да, – отозвалась Агриппа, – мы часто забываем, что есть люди, которые хотят что-то другое в отличие от того, чего хотим мы.

Фриц как-то быстро обернулся, и на миг Агриппа увидела, что складка боли прошла поперек его лица, и судорожно дернулся уголок его рта.

– Ты предлагаешь ценить различия, Агриппа? Тебе кажется это таким легким, или ты хочешь проповедовать, как это прекрасно, хотя на самом деле ты сама тяготишься различиями. Не правда ли?

– Давай откровенно, Фриц. Как всегда. Ничего нового. Нам всегда нужно сцепиться зубами в шеи друг друга, чтобы потом скулить в унисон про свои раны. Различия важны, и это тяжелое испытание принимать их и вживлять в свое сознание, потому что человек отвергает эту идею, как иногда материнская утроба отторгает зарождающееся в нем дитя.

– Но ведь мы любим других людей как раз за то, чего нам не хватает, – мягко возразила Анна-Мария. Она была такой нежной в этот момент. Ее полноватая фигура и легкий румянец придавали ей вид классической добродушной кормилицы. – Вот мне нравится в Вилли его сдержанность и утонченное чувство юмора, которые у меня напрочь отсутствуют. Я люблю повеселиться, но шучу как какая-то прачка в конце рабочего дня, – затряслась от сдерживаемого смеха она.

– Анни, – только и произнес с нежностью Вильям.

Вот уж действительно достоинство и сдержанность, чего не скажешь о других присутствующих тут с их прирожденным чувством спора, вспышками злости и какого-то первобытного раздражения.

– По твоему мне бы стоило полюбить Фрица? – напрашивалась Агриппа.

– Нет, вы как раз очень похожи, словно двойня.

– Давайте без ваших женских сентиментальностей, – ответил Фриц, – любовь оставим в стороне, пока на собаке не зажили раны.

– Фриц, дорогой, мне действительно очень и очень жаль, – тонко протянула Анна-Мария.

– И чего же тебе жаль, Анни? – уставшим тоном спросил он, – ее жаль, меня жаль, что мир рухнул без наших отношений, жаль? Себя, может, жаль, что не сбылись твои розовые мечты о том, что каждый должен иметь пару и родить кучу детей? Так?

Щеки Анны-Марии покраснелись то ли от стыда, то ли от негодования.

– Знаешь, что? – вспыхнула она. – Я просто хотела выразить тебе свое сожаление...

– Опять со-жале-ние, – по слогам произнес Фриц. – Ужалить или пожалеть?

– Свое сожаление, – сделал голос более твердым, продолжила она. – В том, что твое сердце сейчас болит. Я хотела бы, чтоб ты не страдал, а радовался жизни.

– Вот послушай, ты не хочешь, чтобы я страдал. Но страдаю я, а не ты, или же ты настолько чувствительна, что страдаешь из-за моего страдания, потому что не знаешь, как вести себя с человеком, впавшим в уныние в то время, когда ты сама наслаждаешься жизнью. А кто точно может сказать, где сейчас происходит настоящая жизнь: в твоей душе или моей? Мы чувствуем свою руку лишь, когда она болит.

Анна-Мария притихла, ей и вправду было неловко, поскольку Фриц был абсолютно прав. Она тяготилась присутствием в нем той негативной энергии, которую она пыталась избежать, как спешно, бывает, проходят мимо бездомного.

– Послушай, Фриц, – присоединился к разговору Вильям. – Твое душевное состояние может прямо сейчас выразиться как угодно. Ближе нас у тебя нет людей, прости, но это так, и только тут тебя примут таким, даже если тебе сейчас захочется, как ребенку затопотать ножками, заплакать и затребовать немедленно счастья. Мы ведь все в нем нуждаемся и чуждое отвергаем.

– Ты мне предлагаешь поучаствовать сейчас в психотерапевтическом сеансе? – зло и насмешливо ответил Фриц, но тут же спохватился, будто ему стало стыдно. – Ты рассудливейший из тех людей, кого я знаю в этом мире, но, извини, плакать и рыдать я сейчас не хочу, да и вряд ли когда-нибудь буду по этому поводу. Нет слез, понимаешь? Разве что от счастья отречения и освобождения. Но у меня пустота внутри, будто всю воду из колодца вычерпали, а подземные воды пересохли. Так и стою захарашенным колодцем посреди пустыни.

Вильям поднялся с кресла и подошел к камину. Взяв кочергу, он немного поворочал почти догоревшие головешки и подкинул свежих поленьев. Анна-Мария к тому времени отошла от обиды, Агриппа вспоминала сегодняшнюю прогулку, и на ее губах отсвечивала чуть заметная улыбка. Она была спокойна и умиротворена. Все эти разговоры – как протекающая мимо вода, что смывает с камешков налет и шлифует их. И после этой встречи все немного очистятся, скинув свою внешнюю оболочку. Сейчас они все тут обнажены до души, и теперь никому не страшно и не больно. Все сплелось в один клубок чувств разноцветными нитями, где, потянув за одну, ты уронишь весь клубок и размотаешь другие нити.

Агриппа не спеша допила глинтвейн и заглянула на дно чашки – она любила рассматривать причудливые узоры, созданные точечками опавшей на дно корицы, гвоздики и бадьяна. Она еще раз вдохнула в себя уже поблекший аромат с любовью приготовленного вина и прислушалась к себе. Голова была ясной, а взгляд вылавливал в окне украдкой падающие снежинки.

– Где вы будете встречать Рождество? – внезапно спросила она.

– Ой, мы об этом еще не задумывались на столько, чтобы начать планировать что-то. Но, похоже, мы останемся дома, – робко закончила Анна-Мария. – Да, Вилли?

– Возможно, – ответил тот. – Но так же можно присоединиться к хорошей компании, если нам предложат что-нибудь свежее.

– Например, горы, – воодушевился Фриц.

– Отличная идея, – бодро подала голос Агриппа и посмотрела на Анну-Марию.

Та в свою очередь перевела взгляд на мужа, как бы спрашивая его разрешения. Вильям утвердительно с добродушной улыбкой кивнул в знак согласия. И все весело с чувством облегчения засмеялись. Анна-Мария предложила еще глинтвейна, но Агриппина попросила заварить ей кофе, и хозяйка дома вышла на кухню.

– Я знаю прекрасное местечко, – с блеском в глазах продолжил свежую тему Фриц. – Мы там были проездом с экс-супругой. И я тогда пообещал себе, что скинув оковы брака, я отправлюсь на вершины тех гор и там выпью бокал шампанского. Боже, как это быстро случилось, воистину, мысли материальны.

– Не все, – возразила Агриппа. – Часто мы не получаем того, что желаем. Будто мы ставим на крутящийся барабан свои мечты, толкаем его, а указатель, еле вращаясь, останавливается на каком-либо из желаний. Пока докрутишь барабан до других желаний, они поблекнут и надписи изотрутся, а поверх них уже написаны новые, иногда вообще противоположные желания.

– О чем ты мечтаешь, Агриппина? – спросил Вильям.

– О чем мечтаю? Я же говорю, мечты – это нескончаемое колесо, где ты снова и снова проверяешь и перепроверяешь, что хочешь получить и можешь получить это наудачу.

– Я бы не стал так обобщать, – продолжил Вильям. – Барабан – не слишком точная ассоциация, тут все намного глубже. Не хотелось бы пересказывать всем известную теорию о космическом разуме, но, наверное, так оно и есть. Поля, – он перешел на более ласковое прозвище Агриппины. – Ты ведь чувствовала иногда, как изнутри, словно толчком пробудилось желание, и уже через несколько месяцев ты его получаешь в подарочной упаковке с подписью «От доброго волшебника».

Да, тут Агриппине отозвались воспоминаниями все ее сбывшиеся мечты, которые и правда, зарождались как искры из тлеющих останков костра и воспламеняли огонь жизни вновь. Ей даже не приходилось ничего особо для этого делать, не нужно было карабкаться на голые стены или пробираться через колючие заросли к новой дороге. Звонил звонок, она открыла дверь и все что нужно было – это взять подарок, принесенный судьбой.

Вслух это она говорить не стала, так как не хотела разгонять флер воспоминаний, облакая их в грубую материальность слов. Вильям в это время что-то продолжал рассказывать, пока не донесся из кухни голос Анны-Марии:

– Сколько бы я не желала переехать в уютный домик неподалеку отсюда, который год моя мечта избегает встречи со мной. Может, кто-то из вас знает, где живет добрый волшебник? Я бы сама к нему сбегала за подарком.

– Я знаю, – громче, чтобы смогла услышать Анна-Мария, сказал Фриц. – На фондовой бирже или на должности топ-менеджера моей компании. Еще волшебник живет в утренних часах после бессонной рабочей ночи, а так же под грузом ответственности на высоких должностях. Как тебе такой вариант? Подходит?

И все трое почти минуту слушали тишину, с интересом ожидая, что ответит Анна.

– Не все имеют то, что имеют, добывая это тяжким трудом, – ответила Анна-Мария, войдя в комнату с напитками на подносе.

– Почему тяжким? – парировал Фриц. – Вот, к примеру, я. Не скажу, что моя работа легкая, быть на посту одним из управляющих директоров не так-то просто, но она мне нравится. В моем случае ответственность – это еще и власть. Она позволяет мне удовлетворять амбиции. Я не хочу работать просто продавцом, но даже если бы я и работал на этой должности, поверь, я был бы лучшим продавцом в городе. У меня достаточно силы на продвижение себя, веры в себя и в мою работу, я уверен, что своей деятельностью я приношу пользу, и это дает мне энергию двигать колесо, которое уже само катится, просто его нужно слегла направлять

и время от времени модернизировать. И если вначале пути я нес скрипучее колесо на себе, то сейчас это колесо современного болида с персональным креслом для меня.

– Ты у нас такой умница. Я восхищаюсь тобой, – Анна-Мария осеклась, украдкой глянув на своего мужа. – Но Вильямом все равно больше, – и улыбнулась своей широкой обезоруживающей улыбкой.

В разговор вступила Агриппина:

– Часто удел человека решает не столько упорный труд и пробивание себе дороги в горных массивах, сколько одно или несколько полезных знакомств, которые проведут к вершинам, откуда ты сможешь увидеть истинно свою дорогу, по которой сможешь идти дальше сам. Если ты, Анни, сейчас словишь момент и предложишь Фрицу свою роль на должность менеджера, он поставит тебя в приоритетные кандидатуры. Ведь это и есть то знакомство, которое поможет тебе уже через год поменять квартиру на дом. Но дело в другом. Ты – иного склада. И эта работа тебе не по душе. Ты ищешь чего-то другого, где бы ты могла реализовать себя как личность. То есть ты выбрала подарок, но боишься отправить письмо с пожеланием, потому что не знаешь, где находится почтовый ящик.

– И что же мне делать? – расстраиваясь, проговорила Анна-Мария.

– Слушать себя, – сказал ей муж, ласково улыбаясь, желая подбодрить ее. – Настрой свой внутренний радиоприемник на свою волну. Понятно, что ты не знаешь, какая из них твоя – слишком много внешних волн пытаются занять эфир, это волны твоих родителей, тетушек и бабушек, твоих подруг из колледжа, общественные радиоэферы. И поэтому ты растерялась. Тебя в детстве никто не научил верить себе, впрочем, как и всех нас. Ты была очень ранимым и мягким ребенком, и каждый пытался оставить свой след. Но не печалься, мой друг, ты не размякла, ты, наоборот, выпрямилась и теперь сама ищешь свою форму. Не стоит стесняться своей натуры, ведь цветы не стыдятся своей ранимости. Их хотят сорвать, потому что они красивы. Так и твоя душа, за которую я тебя и полюбил. За твою нежность и уязвимость, ты будто цветок на моем пути, который я взял с собой, при этом ты можешь цвести так, как тебе хочется, ты даже можешь увянуть, это твое право. Но я буду нести тебя столько, сколько ты захочешь.

У Агриппины на глазах собрались капли, грозившие соскользнуть по щекам, когда она уже слышала робкие всхлипывания Анны-Марии:

– Какое еще мне счастье нужно и зачем его искать, если со мной есть такой человек, – пролепетала Анна. – Дорогой мой человечек... Как нежно...

– Не стоит ведь фокусироваться только на человеке и заикливаться на этапе жизни, – невозмутимо продолжил тему Фриц. – Анна, не стыдись сейчас за то, что ты хочешь чего-то большего. Мы когда видим в горах прелестный пейзаж, что делаем – останавливаемся, фотографируем, любуемся минуту-две и двигаемся дальше. Так и в наших жизнях. Залюбовались, зафиксировали на камеру и пошли дальше, ведь и там за перевалом будут новые пейзажи, будет сменяться погода, создавая свои декорации.

– И в продолжение разговора о горах и Рождестве, давайте обсудим, куда мы поедем? – спросила Агриппа.

– Итак, в Альпах есть прекрасное уютное местечко, затесавшееся в горах. Предлагаю отправиться туда за два дня до самого праздника и пожить там недельку: покататься на лыжах, попариться в турецкой сауне или любой другой, еще там есть термальные бассейны, – начал разрисовывать поездку Фриц, и по ходу его ознакомительного рассказа слышались женские мечтательные вздохи. – А вечером мы будем жарить гриль на террасе своего домика. Хотя, может, вы захотите поселиться в гостинице? Тогда и там мы сможем найти себе приличный мангал и столик на дворе или балконе. Как вам? – потирая руки, закончил он свою речь.

– Восхитительно! – согласился Вильям, оформляя билеты для поездки, пусть наши дамы подыщут подходящее жилье, и будем укладывать вещи.

В этот момент зазвонил телефон Агриппы, и она взяла трубку. Андре сообщил, что собирается выезжать и поинтересовался, не желает ли она еще остаться на какое-то время у друзей. Как быстро пробегает время, подумала она. Самое жуткое, что с каждым годом оно ускоряет свое течение, угрожая ринуться водопадом куда-то вниз. Агриппина согласилась ехать, как только он приедет.

Сообщив о своем намерении, она поднялась, чтобы не спеша подготовиться к выходу. Она помогла занести на кухню посуду и остановилась в коридоре у зеркала.

– Анни, спасибо, что пригласила меня. Это чудесно, что мы решили отправиться в горы. Я давно мечтала о зимней поездке.

– Отдохнем и побудем ближе к небу, – засмеялась Анна-Мария.

Мужчины тоже вышли в коридор, чтобы попрощаться и проводить Агриппину до машины и выкурить по папиресе заодно. Вильям помог ей надеть куртку и подал шарф. Женщины еще раз поблагодарили друг друга за гостеприимство и визит, выражая желание встретиться в ближайшие дни где-то в центре.

Агриппина, Вильям и Фриц вышли за дверь и не спеша стали спускаться. Пока мужчины обсуждали какие-то свои рабочие моменты, она мысленно была в горах и уже думала, как сможет провести свое время там и какие дела сделать, пребывая вдали от дома.

Выйдя на улицу, они увидели подъезжающую машину с Андре за рулем. Агриппина сначала обняла на прощание Вильяма, как хозяина дома, а потом и Фрица. Она была искренне рада тому, что вечер завершился гармонично, и не было необходимости считать время, которое могло тянуться как резина, когда каждый взгляд на часы отдается в голове глухим звоном.

Когда машина остановилась возле парадного, Андре пружинисто вышел из открывшейся двери, будто фокусник, и радостно поприветствовал мужчин, крепко пожимая им руки. Они обменялись любезностями, расспросили о делах и настроении. Все улыбались, были рады видеть друг друга и так же рады прощанию, потому что каждый устал по-своему. Андре открыл для Агриппины заднюю дверку, куда она охотно забралась как в нору. В машине было нагрето, и мягкий свет заливал приборную панель. Помахав рукой остающимся, Андре в мгновение ока очутился на своем водительском месте и поправил кепи на голове.

– Прикажете домой или дальше веселиться? – глядя в зеркало заднего вида спросил Андре.

Еще не совсем привыкшая к такого рода шуткам от Андре, Агриппина вновь поморщилась, что не ускользнуло от него.

– Простите, я сказал бестактность, – смущаясь и опуская глаза, произнес он и почти сразу улыбнулся.

Агриппину иногда это настолько удивляло, вплоть до легкого возмущения, может ли этот человек хоть когда-нибудь испытывать злость, раздражение и обиду?

Они мягко тронулись, завернули в ближайший проулок и, развернувшись, поехали в направлении дома. Агриппина почувствовала усталость в теле и уме, она хотела поскорее оказаться в душе и запрыгнуть в постель. Но поездка тоже ей доставляла удовольствие, это походило на дальние путешествия автобусом, которые она предпринимала раз в полгода. Когда за окном машины ты видишь спящие подсвеченные магазины и рассеянный свет на мощеных тротуарах, ощущаешь себя сказочным героем в волшебной стране.

Агриппина попросила Андре не спешить, иногда быстрый ход автомобиля вызывал у нее чувство опасности, а это сейчас конфликтовало с ее благодушным настроением. Тихо играло радио, пел женский хрипловатый голос и про себя Агриппа подпевала эту старую джазовую песню.

Когда машина мягко остановилась, она искренне поблагодарила Андре за его пунктуальность и добрый нрав. Через десять минут она уже крепко спала в освещенной ночником спальне.

V. Утро

Агриппа подняла голову и встретила лицом к лицу с утром, заглядывающим ей в окно. Она поставила кровать именно так, чтобы засыпая смотреть осенью на облетающую листву, а зимой – на снежинки, кружащие в свете фонарей. Ей это очень нравилось, а ночь в свою очередь могла наблюдать, как она спит.

Агриппа любила вставать рано, не позже шести, это дарило ощущение, что она опережает мир. Наивно, но очень действенно. Если она планировала активную зарядку или бег, то просыпалась на час раньше летом. В это время уже светло и на улице под зарождающийся новый день бегать было легко и приятно.

Она не относилась к разряду тех людей, которые, только открыв глаза, могут сразу вставать на ноги и делать дела. Нет, она ежедневно боролась за личный диалог с рассветом и очень расстраивалась, если ее организм брал верх и повергал ее в сон. Но привычка делала свое дело. Встать в шесть часов после летних пяти, было сродни приятному дополнению.

Она прошагала в большую ванную комнату, которая как это ни странно, но была местом ее утренних тренировок, не всегда правда, но очень часто. Там Агриппа настраивала себе приглушенный свет, включала белый шум костра, ветра и листвы. А в целом ванная комната была обустроена так, что с первого взгляда казалась комнатой отдыха. Легкая спортивная одежда, ждавшая ее там, обещала приятную нагрузку, необходимую для бодрого начала дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.